

А. Т. Болотов

Записки

Том 4. Части 22-29

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
А11

А11 **А. Т. Болотов**
Записки: Том 4. Части 22-29 / А. Т. Болотов – М.: Книга по Требованию, 2014. – 712 с.

ISBN 978-5-4241-6773-7

Русская старина. Записки Андрея Тимофеевича Болотова. Том 4. Части 22-29

ISBN 978-5-4241-6773-7

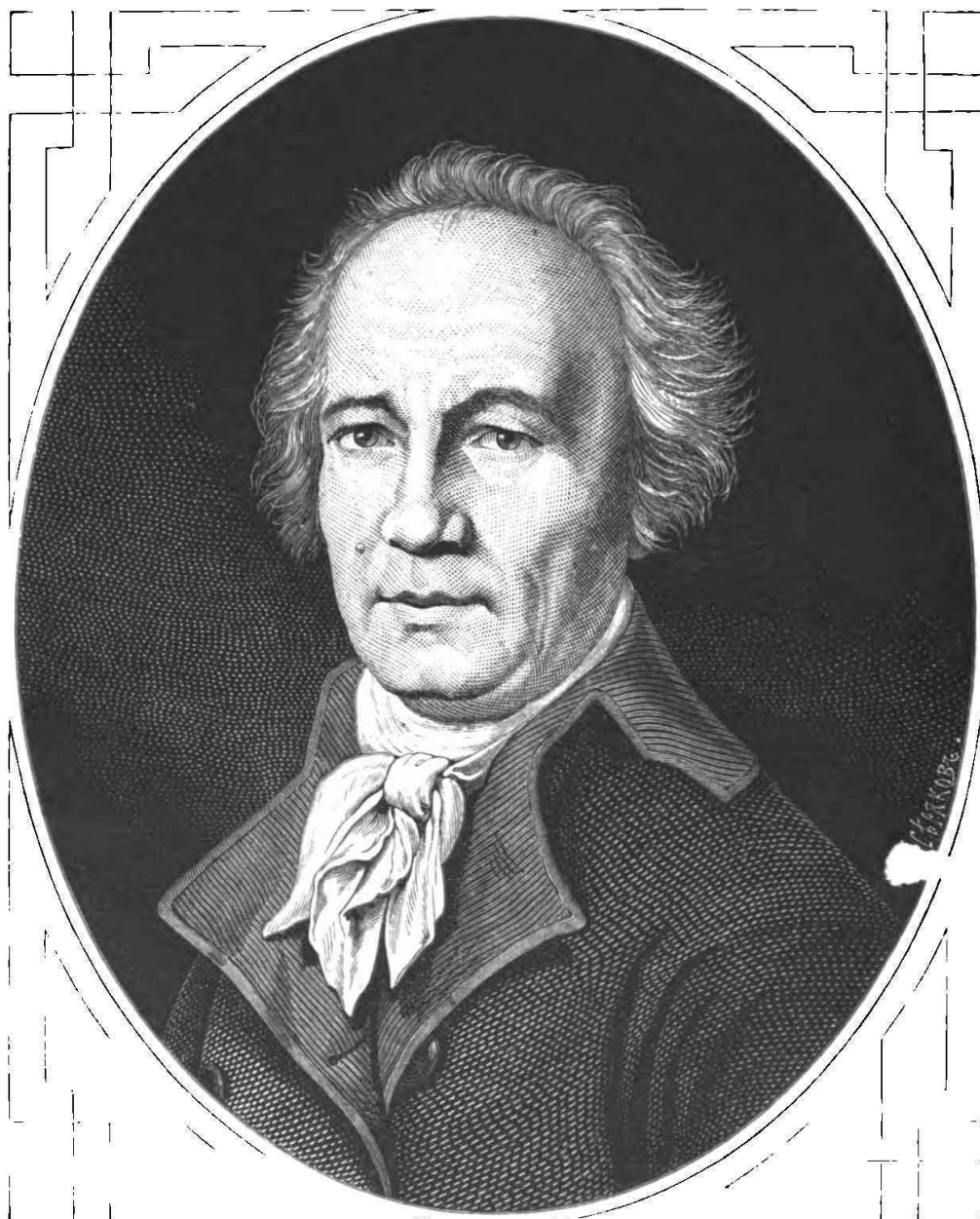
© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

А. Т. БОЛОТОВЪ.

1737—1833.

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНІЯ АНДРЕЯ БОЛОТОВА

ОПИСАННЫЯ САМИМЪ ИМЪ ДЛЯ СВОИХЪ ПОТОМКОВЪ.

ЧАСТЬ XXII.

(Въ Дворениновѣ, начата февраля 16-го 1810, а кончена октября 31-го дня того-же года).

Продолженіе исторіи пребыванія моего въ Богородицѣ послѣ пожарнаго бѣдствія.

1785 годъ.

Письмо 221.

Любезный пріятель! Такимъ образомъ 1785 годъ началъ я проводить, находясь въ Богородицѣ и живучи въ мирѣ и тишинѣ и во всякомъ изобиліи. Одно только меня озабочивало, что жена моя была около сего времени не очень здорова. Со всѣмъ тѣмъ, мы достальныя дни святогъ нашихъ провели довольно весело въ ежедневныхъ свиданіяхъ съ своими городскими друзьями и знакомцами. Но въ самый послѣдній день оныхъ перетревоженъ я былъ полученными изъ Козлова писмами. Писали ко мнѣ, что наше спорное межевое дѣло вошло въ находящуюся уже тамъ межевую контору и вскорѣ будетъ разсматриваемо, и что для самого сего надобно мнѣ необходимо поспѣшить туда своимъ пріѣздомъ.

Извѣстіе сіе озаботило меня чрезвычайно, и тѣмъ паче, что надлежало туда вслѣски поспѣшить, а путь былъ самой северной, ибо зима у насъ въ семь году была самая голая и снѣга было чрезвы-

чайно мало, а отъ осеннихъ дождей вся поверхность земли обледенѣла. Но какъ ѣзда была самая необходимая и не терпѣла ни малѣйшей отсрочки, то, не долго думая, на другой же день, собравшись на скорую руку, и пустился я въ сей путь, взявъ въ сотоварищество къ себѣ старика - нѣмца нашего переплетчика Ивана Андреевича Банниера, которому случилось тогда имѣть въ Козловѣ какую-то собственную нужду, а я тому и радъ былъ, что мнѣ съ нимъ не таково было скучно.

Ѣзда сія была, по причинѣ дурноты дороги, для насъ крайне безпокойная. Мы ѣхали чрезъ Данковъ и Ранибургъ, гдѣ пристали мы у знаконца и друга своего Ивана Христофоровича Добраса, бывшаго у насъ въ Богородицѣ казначеемъ, а тутъ въ Ранибургѣ городничимъ. Сей любезный человекъ и его жена обрадовались мнѣ, какъ бы какому родному, и старались угостить меня всячески, и охотно хотѣли снабдить меня вибиткою на колесахъ, для продолженія пути моего, за неимѣніемъ тамъ совсѣмъ почти снѣга. Но, по счастью, въ самую ночь

сію выпалъ изрядный снѣжокъ, и памъ можно было продолжать свой путь въ своихъ прежнихъ повозкахъ, и столь хорошо, что мы въ тотъ же день, и довольно еще рано, доѣхали до Козлова.

Тутъ расположившись на принсканной квартиркѣ, спѣшилъ какъ можно скорѣе повидаться съ родственникомъ нашимъ, двоюроднымъ братомъ жены моей, Николаемъ Александровичемъ Каверинымъ, жившимъ по счастью тогда съ женою своею въ Козловѣ, по случаю, что былъ онъ уѣзднымъ судьбою. Сей столько же былъ радъ моему пріѣзду, сколько я тому, что нашель въ немъ любезнаго и такова человѣка, который могъ мнѣ быть въ тогдашнемъ случаѣ, по знакомству его со всѣми городскими и межевными, быть полезнымъ. Онъ съ превеликою охотою брался сдѣлать все, что только было ему можно. И дѣйствительно: исполнилъ тогда долгъ родства и дружества. Черезъ его стараніе познакомился я съ межевнымъ секретаремъ Дьяковымъ, у котораго наше дѣло было въ повѣтѣ, и не только переговорилъ съ нимъ обо всемъ нужномъ, но и задобрилъ его подаркомъ. Но скоро открылось, что ѣзда моя была въ сей разъ въ Козловъ почти попустому, и до дѣла нашего далеко еще не доходила очередь; а по причинѣ переноса онаго Пашковымъ въ сенатскую межевую экспедицію, была еще относительно до онаго великая остановка. А самое и сіе причиною тому было, что тогдашнее пребываніе мое въ Козловѣ было кратковременное и не продолжалось болѣе трое сутокъ.

Совсѣмъ тѣмъ и сіи три дни провелъ я тамъ не безъ дѣла, а по крайней мѣрѣ имѣлъ случай спознакомиться съ межевными судьями, изъ коихъ главнымъ былъ тогда баронъ Дельвигъ, а другой г. Гневушевъ, и оба мнѣ незнакомые до того люди, а сверхъ того спознакомиться и со многими другими межевными и свидѣться со стариппымъ моимъ знакомцемъ и пріятелемъ межевщикомъ Золотухинымъ, такъ и съ свойственникомъ нашимъ Яковомъ Кузьмичемъ Кузьми-

нымъ. Словомъ: родственникъ мой г. Каверинъ замыкалъ меня, возя съ собою по всѣмъ его знакомымъ. Что-жъ касается до самого его, то я ласкою и угощеніями его меня былъ очень доволенъ, и радъ былъ, что пашель въ немъ друга и таково человѣка, на котораго дружбу и вспоможеніе могъ я и впредь полагать надежду. Но, увы! Судьба не допустила его оказать мнѣ дальнѣйшей услуги, лишивъ весьма рановременно жизни сего любезнаго и достойнаго человѣка, ибо онъ вскорѣ послѣ того занемогъ и умеръ.

Впрочемъ, относительно до сего пребыванія моего въ Козловѣ памятенъ мнѣ особливо одинъ случай, припудившій меня противъ хотѣнія пить такое питье, котораго и самый запахъ былъ для меня крайне противенъ, а именно аглицкое пиво, бывшее тогда въ великомъ еще у насъ употребленіи, и, что смѣшнѣе всего, припеволивалъ себя къ тому въ угожденіе пьянаго межеваго секретаря. Случилось же однажды какъ заѣхали мы къ нему съ Николаемъ Александровичемъ, онъ, будучи ему пріятелемъ и очень ему радъ, ну его поить тѣмъ-и-сѣмъ, и между прочимъ и симъ ненавистнымъ для меня напиткомъ, а вмѣстѣ съ симъ и меня всячески упрашивать, чтобы я сдѣлалъ ему одолженіе и выпилъ. Что было дѣлать, чтобы не разгнѣвить сего негодяя, до котораго могла мнѣ дойти нужда, принужденъ былъ исполнить его хотѣніе и цѣлхъ два стакана, прокляная его въ умѣ, выпить и перенести отъ того послѣ великую тошноту! Итакъ, сбылась тогда со мною пословица, что «нужда научить всякаго калачи ѣсть».

Такимъ образомъ, кончивъ все, что было тогда можно сдѣлать, и распрощавшись съ Николаемъ Александровичемъ, котораго я съ того времени болѣе уже не видалъ, пустились мы съ Банниеромъ въ свой обратный путь, и на третій день возвратились опять въ свое мѣсто, въ Богородицкѣ.

Тутъ, къ немалому огорченію своему, нашель я жену, слегшую даже въ постель, ибо прежняя ея болѣзнь нѣсколько

еще увеличилась, а на другой день получил мы извѣстіе, что другой и меньшей братъ Николай Александровичъ Каверина, Евграфъ Александровичъ, жившій съ женою своею неподалеку отъ насъ, за Епифанью, былъ также при смерти болѣнъ, что и принудило тещу мою тотчасъ къ нему отправиться, для навѣщенія. А черезъ нѣсколько дней послѣ того услышали мы и о его кончинѣ. И какъ онъ былъ къ намъ отнѣнно ласковъ, то и пожалѣли мы объ немъ чувствительно.

Между тѣмъ, отдохнувъ отъ своего путешествія и пользуясь свободнымъ зимнимъ временемъ, принялся я опять за обыкновенныя свои комнатныя упражненія. И достопамятно, что я около самаго сего времени основалъ и сдѣлалъ свою картинную книгу, и вмѣстѣ съ сѣмъ трудился я надъ вклеиваніемъ въ нее всѣхъ имѣвшихся у меня разнаго рода большихъ и маленькихъ эстамповъ, и что мы съ женою занимались сею работою нѣсколько дней сряду и вклеили въ нее ровно цѣлую тысячу картинъ всякаго рода.

Въ семь упражненій, равно какъ и въ продолженіи сочиненія матеріала для «Экономическаго Магазина» и въ частыхъ свиданіяхъ съ своими городскими друзьями и угаживаніи многихъ пріѣзжавшихъ къ намъ въ сіе время гостей,—проводилъ я всѣ достальныя дни января мѣсяца, въ которое время имѣлъ я удовольствіе слышать въ первый разъ пѣніе учившихся пѣть ребятишекъ нашихъ, и успѣхомъ взаимнаго учителя былъ совершенно доволенъ.

Въ началѣ февраля случилось родить молодой женѣ нашего виннаго пристава Петра Максимовича Викулина, и я прошенъ былъ быть сей новорожденной дочери его Маріи воспріемникомъ. И какъ отецъ оной былъ отнѣнно приверженъ ко мнѣ ласкою и дружествомъ, то и сдѣлалъ я ему сіе удовольствіе и окрестилъ дочь его, вмѣстѣ со старушкою нашею Марьею Юрьвною Петровою. А не успѣли мы сего праздника отпразд-

новать, какъ получено было извѣстіе, что командиръ мой г. Давыдовъ возвратился уже изъ Петербурга и находится въ Москвѣ. Я не сомнѣвался тогда, что скоро позоветъ онъ меня въ Тулу къ себѣ, для свиданія, и въ томъ не обманулся. Онъ не успѣлъ въ Тулу пріѣхать, какъ тотчасъ далъ мнѣ о томъ знать и звалъ меня къ себѣ, и я принужденъ былъ тотчасъ къ нему ѣхать, и крайне любопытенъ былъ узнать, имѣли ли онъ какой успѣхъ по своимъ дѣламъ въ Петербургѣ, гдѣ надѣялся онъ за чужіе труды получить, и Богъ знаетъ какія милости отъ императрицы. Но услышалъ только отъ него, что планы мои были государынѣ очень угодны, а богѣе ничего; почему и имѣлъ я справедливую причину сомнѣваться въ томъ, имѣлъ ли онъ счастье быть представленнымъ государынѣ и говорить съ нею, или не удостоился и того, а проѣздя по-пустыкамъ, и потому заключилъ, что всѣ послѣдніе труды мои, употребленные на сочиненіе плановъ, едва ли не пропали по-пустому, и ни мнѣ, и ни ему не принесли ни какой пользы. Впрочемъ, удивилъ онъ меня, сказавъ, что въ дни три пожилъ въ Тулѣ и его пообождалъ, предпринимающаго ѣхать на самое короткое время въ Калугу, къ намѣстнику. Но какъ мнѣ никакъ не хотѣлось жить столько времени безъ всякаго дѣла въ Тулѣ и я охотнѣе брался пріѣхать къ нему вторично изъ Богородицка, то и не сталъ онъ меня держать и отсутствовалъ домой.

Такимъ образомъ случилось мнѣ тогда два раза въ теченіе одной недѣли пріѣзжать въ Тулу и оба раза на самое короткое время и для одной только поговорки. И хотя мнѣ таковыя частыя помычки, а особливо въ тогдашнюю жестокую стужу и не весьма были пріятны, но какъ перемѣнить было не чѣмъ, то принужденъ я былъ переносить то съ терпѣніемъ. По крайней мѣрѣ, радъ я былъ тому, что около сего времени жена моя выздоровѣла и начала по-прежнему вмѣзжать со двора и могла съ нами вмѣ-

стѣ разъѣзжать по гостямъ въ наступившую тогда у насъ масленицу.

Но едва только начали мы бѣшеную недѣлю сію провождать по старинному обыкновению своему въ катаніи и разъѣздахъ другъ къ другу, какъ является къ намъ вдругъ пріѣхавшій, противъ всякаго чаянія и ожиданія, изъ Калуги, вновь опредѣленный въ нашъ городъ городничимъ, грузинскій князь Назаровъ, по имени Егоръ Михайловичъ, и привозитъ прежнему нашему городничему г. Сухотину повелѣніе, чтобъ онъ сдалъ ему городъ, а самъ бы переѣзжалъ въ Тулу, по причинѣ пожалованія его въ тульскую казенную палату совѣтникомъ, а ко мнѣ словесное повелѣніе отъ намѣстника, чтобъ и я пріѣхалъ къ нему неукоснительно въ Калугу.

Легко можно заключить, что все сіе сдѣлало масленнымъ нашимъ увеселеніямъ великое помѣшательство. Съ одной стороны жаль было намъ всѣмъ нашего прежняго городничаго, съ которымъ, живучи столько лѣтъ вмѣстѣ, имѣли мы время овкнутыя и сдружиться; да и самому ему охотнѣе хотѣлось бы остаться по-прежнему въ Богородицкѣ, нежели жить въ Тулѣ, почему онъ не весьма радъ былъ и своему производству и множайшему жалованью; съ другой стороны—надлежало намъ вновь спознакомливаться съ новымъ, который и съ самаго уже начала казался намъ человѣкомъ, хотя добрымъ, но далеко не такимъ простодушнымъ и дружелюбнымъ, каковъ былъ прежній, но, по природѣ своей, болѣе лукавымъ, скрытнымъ и практичнымъ. Онъ не преминулъ на другой же день ко мнѣ пріѣхать, для сдѣланія мнѣ визита и сообщенія мнѣ помянутаго намѣстническаго повелѣнія, которое еще болѣе насъ смутило и озаботило. Итакъ, послѣдніе дни масленицы и хотя провели мы въ разъѣздахъ и свиданіяхъ другъ съ другомъ, но далеко уже не такъ весело какъ первые.

Итакъ, недумано-нигадано принужденъ я тотчасъ, по наступленіи великаго поста, опять въ путь отправляться и всю

первую недѣлю проводить въ семь путешествіи, ибо въ Калугѣ я въ сей разъ былъ не болѣе однихъ сутокъ. Надобность намѣстника до меня состояла въ томъ, что какъ онъ, будучи въ Петербургѣ, имѣлъ случай нѣсколько разъ съ императрицею о нашихъ волостяхъ разговаривать и получилъ отъ нея на многія представленія его разрѣшенія, то какъ онъ во всемъ надѣялся и полагался во всемъ болѣе на меня, нежели на моего командира г. Давыдова, то минувъ его, хотѣлъ онъ непосредственно дать обо всемъ, что было нужно, повелѣніе. Итакъ, занявшись со мною цѣлое утро разговорами и потомъ унявъ у себя обѣдать и давъ на все за подписаніемъ своимъ повелѣніи, въ слѣдующее утро меня и отпустилъ обратно, чѣмъ я былъ весьма и доволенъ.

Совсѣмъ тѣмъ, какъ ни коротко было мое въ сей разъ въ Калугѣ пребываніе, но я успѣлъ кой-гдѣ побывать и кой съ кѣмъ видѣться какъ въ Калугѣ, такъ и въ проѣздѣ мой чрезъ Тулу. Въ первой имѣлъ я случай видѣть родного брата намѣстника Петра Никитича и славнаго въ тогдашнее время бывшаго гвардейскаго маіора, Федора Матвѣевича Толстаго, съ которымъ и я вмѣстѣ у него обѣдалъ. А послѣ обѣда успѣлъ побывать и у знакомцевъ своихъ г. Кошелева и секретаря намѣстническаго г. Михайлова, который, будучи сродни нашей новой городничихѣ, отменно ко мнѣ ласкался и доставилъ особенное удовольствіе, показавъ мнѣ свой натуральный и медальный кабинетъ, которымъ не могъ я довольно влюбиться. Въ Тулѣ же ѣздилъ я съ г. Сокольниковымъ вечеромъ на оружейный заводъ и съ отмытымъ удовольствіемъ и любопытствомъ рассматривалъ сдѣланную модель всему затѣваемому намѣстникомъ вновь оружейному заводу, которая, безъ всякаго сочиненія, стоила многихъ денегъ, трудовъ и работы, но въ послѣдствіи времени ни къ чему не послужила и осталась только памятникомъ великолѣпнымъ затѣямъ г. Кречетникова.

Какъ вся сія ѣзда продолжалась мѣнѣ недѣли (и я поѣхавъ въ понедѣльникъ, успѣвъ въ субботу возвратиться уже и назадъ, и поспѣть еще къ обѣду), то неожиданныя столь скорого возвращенія моего, родные мои были тѣмъ крайне обрадованы, и тѣмъ паче, что я привезъ съ собою и дозволеніе, данное мнѣ отъ намѣстника съѣздить съ ними на короткое время въ Москву, для исправленія нѣкоторыхъ нашихъ надобностей.

Итакъ, проводивъ съ ними и случившеюся быть тогда у насъ теткою госпожею Арцыбмшевою и пріѣхавшимъ къ намъ въ сіе же время родственникомъ нашимъ Петромъ Алексѣевичемъ Кирѣвымъ и его семействомъ и племянникомъ его, прежнимъ моимъ ученикомъ и воспитанникомъ господиномъ Семеновымъ, первое воскресенье и послѣдующій день, — собрались мы опять въ путь и вмѣстѣ съ женою и старшею моею дочерью и пустились въ новое путешествіе.

Ѣзда наша въ сей разъ, по случившимся дурнымъ тогда погодамъ была безпокойна, и мы не прежде какъ въ четвертый уже день пріѣхали въ Москву и остановились въ сей разъ на Шабаловкѣ, въ домѣ у знакома и пріятеля нашего Ивана Ефремовича Кислинскаго и стояли вмѣстѣ съ пріѣхавшими въ самое то же время и нашими Федосовскими родными. И какъ хозяинъ нашъ былъ человекъ одностокій и квартиру имѣлъ довольно просторную, то и намъ всѣмъ было довольно покойно.

Какъ главная наша нужда состояла въ исправленіи нужныхъ для себя разныхъ покупокъ, то и пробыли мы въ сей разъ въ Москвѣ не болѣе 4-хъ сутокъ и замучились отъ безпрерывной и ежедневной ѣзды то въ рыды, то для свиданія съ кѣмъ было нужно, почему не произошло съ нами въ сей разъ ничего особеннаго. Совсѣмъ тѣмъ успѣли мы побывать у старинныхъ нашихъ Офросимовыхъ и друга нашего г. Кологривова, а я познакомиться съ пріятелемъ своимъ г. Владыкинымъ и г. Новиковымъ и съ ними послѣднимъ переговорить обо всемъ

нужномъ, относящемся до моего «Экономическаго Магазина» и съ ними счастья.

Итакъ: и вторую, и третью недѣли великаго поста находился я отъ дома въ отлучкѣ и въ безпрерывной волокитѣ. Въ Богородицкѣ возвратились мы не прежде какъ уже предъ самымъ Благовѣщеніемъ, 23-го марта, и рады были, что убрался до наступленія самой половоды, которая вскорѣ по возвращеніи нашемъ и началась. Я возвратился въ Богородицкѣ не совсѣмъ въ спокойномъ духѣ, ибо въ проѣздѣ мой чрезъ Тулу при свиданіи съ полкомандиромъ моимъ г. Давыдовымъ, получилъ я отъ него, между прочимъ, многія такіа приказанія, которыя ввергли меня въ великое недоумѣніе и озаботили такъ, что я не зналъ что дѣлать. Были они совсѣмъ несообразны съ прежними его поступками, и даже ни съ чѣмъ не сообразны, а что всего хуже — ни мало несоотвѣтственны безпристрастному и прямо усердному попеченію намѣстника о волостяхъ нашихъ. Ибо надобно знать, что между тѣмъ какъ сей о истинной пользѣ нашихъ волостей и о умноженіи казеннаго дохода и о введеніи во всемъ лучшаго порядка помышлялъ и старался [не послѣдовалъ оному] давно г-нъ Давыдовъ и, не соотвѣтствуя ни мало его къ себѣ милостямъ и довѣрію, помышлялъ только о томъ, какъ бы ему и чѣмъ бы то ни было отъ волостей нашихъ можно было поживиться и нагрѣть себѣ руки; а потому и выдумалъ всѣ удобовозможныя къ тому способы; а исходствіе того и предписывалъ мнѣ отъ времени до времени, многое такое, чего мнѣ никакъ, не подергая себя гнѣву отъ намѣстника, исполнить было не можно. А такого точно рода были данны мнѣ и въ сей разъ нѣкоторыя его приказанія, которыя заставляли меня не только думать, но и напрягать всѣ силы ума и знанія своего, чтобы изобрѣсти какое-нибудь такое средство, что и оное сколько-нибудь удовлетворенъ могъ быть въ своихъ желаніяхъ и я не могъ подвергнуться дальшему за то отпугу. И признаюсь, что самое сіе наиболѣе меня во все время управленія его волостями

озабочивало и отягощало. Не рѣдко случалось, что я, по пословицѣ говоря, принужденъ бывалъ «ужемъ и жабою вертѣться» и употреблять «и лисій хвостъ и волчій ротъ», либо для уничтоженія безпредѣльныхъ его вожделѣній, либо для сокращенія и уменьшенія его чорныхъ и непозволительныхъ замысловъ. И хотя то иногда и удавалось, но какъ не было ни силъ, ни возможностей ему противоборствовать, то доходило не рѣдко до того, что я со страхомъ и трепетомъ принужденъ бывалъ выполнять его повелѣнїя.

Кромѣ сего озабочивало меня тогда и то, что мнѣ, не помню для какой-то необходимой надобности, нужно было на другой же день по возвращенїи моемъ отправить сына моего одного въ Тулу, и это было еще самое первое путешествіе, въ которое ѣздила онъ одинъ и, по счастію, не смотря на всю дурноту пути и начинающееся половодіе, онъ комиссію, возложенную на него, исправилъ и успѣлъ еще до половоди большой къ намъ на другой день возвратиться.

Вслѣдъ за тѣмъ начались мои хлопоты и обыкновенныя ежегодныя заботы о прудахъ нашихъ. Всѣхъ ихъ надлежало то и дѣло осматривать и гдѣ нужно было спуски и плотины поправлять и починивать, а особливо на прудахъ, вновь мною сдѣланныхъ. Вездѣ-и-вездѣ разставлены и опредѣлены были у меня люди, для наблюденія за ними, и со всѣхъ сторонъ доставлялись мнѣ ежечасныя почти увѣдомленія, хорошо-ли вода стекаетъ и не дѣлаетъ ли гдѣ каковаго поврежденія. Въ каковыхъ случаяхъ безъ памяти бѣжалъ или скакалъ я на лошадяхъ самъ туда, для скорѣйшаго и лучшаго поправленія. Словомъ, всякая половодъ была для меня почти сущю каторгою: я не имѣлъ ни минуты почти спокойной и нерѣдко принужденъ былъ вставать даже ночью и поспѣвать туда, куда требовала надобность, и невѣдомо какъ радъ всегда бывалъ, когда половодъ начинала уже проходить и обанчивалась благополучно.

Въ сихъ заботахъ и попеченїяхъ о пруд-

дахъ засталъ меня апрѣль мѣсяцъ, начавшійся въ семь году на пятой недѣлѣ великаго поста. И какъ въ сіе время обнажились уже всѣ мѣста, а особливо возвышенныя, отъ снѣга, то начались у меня новыя заботы и хлопоты. Я обѣгалъ и объѣзжалъ всѣ мѣста, въ саду и въ окрестностяхъ, примѣчалъ, не испортила ли гдѣ чего вода и спѣшилъ приказывать поправлять всѣ поврежденія, а особливо въ моемъ водоводѣ. А между тѣмъ помышлялъ уже заблаговременно о томъ, что-и-что мнѣ сею весною вновь дѣлать и предпринимать, и съ нетерпѣливостью дожидался того, чтобъ земля обсохла и можно-бъ было приступить къ надворнымъ работамъ.

Между тѣмъ были у меня и другія нужнѣйшія хлопоты. Претерпѣваемая доселѣ тѣснота въ моемъ домѣ побуждала меня воспользоваться даннымъ мнѣ отъ намѣстника дозволеніемъ распространить оный пристройкою нѣсколькихъ покоевъ. И какъ нужный къ тому еловый лѣсъ и прочіе матеріалы были закуплены и привезены еще зимою, то и спѣшилъ я начать сіе дѣло, и основавъ оно, велѣлъ плотникамъ рубить свою пристройку и поспѣвать koliko можно.

Состояла она собственно въ двухъ довольно просторныхъ комнатахъ, изъ которыхъ одну назначалъ я для своей гостинной, а другую—для своей спальни съ нишемъ; но для сохраненія угловъ приставилъ я ихъ не вполнѣ къ старымъ хоромцамъ, а аршина на четыре отступя отъ оныхъ, дабы, соединивъ промежутокъ сей простѣнками, можно было выгадать еще два покойца: одинъ маленький, для проходной гостинной, а другой—для буфета, гардерона и просторныхъ сѣней; съ боку же велѣлъ я прирубить еще небольшой флигель для ткацкой, а черезъ все сіе, по отдѣлѣ всего, и составилъ мой домикъ довольно просторный и помѣстительный.

Между тѣмъ имѣлъ я то неудовольствіе, что отняли у меня садовника, который такъ много помогалъ мнѣ при начальномъ устройствѣ сада. Намѣстникъ

возымѣлъ объ немъ, по рекомендаціи моей, столь хорошее мнѣніе, что, будучи въ Петербургѣ, расхвалилъ его кому-то изъ знатныхъ, имѣющему нужду въ садовникѣ, и я принужденъ былъ потомъ уступить ему его, а г. Давыдовъ приказалъ прискаты для себя, и нанять какова-нибудь другаго садовника. Но сіе скорѣе можно было сказать, нежели сдѣлать: ничего у насъ труднѣе нѣтъ, какъ отыскать хорошаго наемнаго садовника, и я не только принужденъ былъ дожидаться долгое время другаго, но и послѣ, хотя и прислали ко мнѣ нѣмца, но онъ и ноги его не стоилъ; а между тѣмъ я принужденъ былъ оставаться совсѣмъ безъ садовника и лишень въ семь равно какъ правой своей руки, производить уже самъ, или пользоваться глупыми садовыми ученичешками.

Въ самое то же время пріѣхалъ къ намъ и приглашенный изъ Калуги Есмеръ (?) для росписыванія алфреско-нижнихъ покосевъ во дворцѣ. Сіе доставило мнѣ хотя новыя заботы и хлопоты, но сему человѣку былъ я радъ, поелику онъ былъ совершенный мастеръ своего дѣла, и я всякій день съ удовольствіемъ посѣщалъ его и сматривалъ на его искусную работу. Я не могъ ею довольно любоваться, и мнѣ осталось болѣе у него перенимать, нежели ему въ чемъ-нибудь указывать. Однако ко многому и я преподавалъ ему мысли, и онъ охотно совѣтамъ моимъ послѣдовалъ, а наши совокупныя мысли и труды и производили то, что всѣ комнаты росписаны были отменно хорошо и всѣ видѣвшіе ихъ превозносили искусство его невѣдомо какими похвалами.

Какъ скоро сошолъ снѣгъ и земля сколько-нибудь обсохла, то и приступилъ я опять къ садовнымъ работамъ. Мое первое дѣло состояло въ томъ, чтобы назначить куртилы и мѣста подъ посадку яблонь и грушъ и другихъ плодовыхъ деревьевъ, съ которыми хотѣлось отменно г. Давыдову напичкать большую половину нашего сада, хотя сіе ни мало не совмѣстно было съ садомъ натураль-

нымъ, и я не очень былъ на то сначала согласенъ. Но увидѣвъ, что сего моему командиру неотмѣнно хотѣлось и онъ брался достать въ Тулѣ и прислать намъ потребное къ тому число наилучшихъ родовъ плодовыхъ деревьевъ, то согласился наконецъ на то и я, и потому всю шестую недѣлю наусерднѣйшимъ образомъ трудился надъ назначеніемъ мѣстъ подъ оныя. Но какъ же досадовалъ послѣ, когда прислано было ко мнѣ хотя превеликое множество молодыхъ яблонь и грушъ, купленныхъ въ Тулѣ самимъ командиромъ моимъ неслыханною почти дорогою цѣною, но всѣ онѣ были ни куда не годныя и не было почти ни одного порядочнаго деревца, принадлежащаго къ родамъ именитымъ и хорошимъ, а всѣ были такая дрянь, что жалко было заниматься ими и мѣста въ таковомъ знаменитомъ садѣ. А что того еще было хуже, то всѣ онѣ были въ таковомъ худомъ состояніи и вырты были съ такимъ небреженіемъ, что никакой почти надежды не было, чтобъ онѣ всѣ принялись, а особливо въ тамошнемъ, повидимому хотя очень хорошемъ, но подъ плодowymi деревьями совсѣмъ неспособномъ грунтѣ. Что дѣйствительно и восплѣдовало послѣ, и я сколько объ нихъ ни старался, но не имѣлъ удовольствія и пятой доли изъ нихъ видѣть принявшимися и пошедшими въ ростъ своей.

Произошло сіе болѣе отъ того, что какой-то бездѣльникъ тульской оружейникъ, навязалъ по какому-то случаю почти насильно всю сію негодую на г. Давыдова и вытябилъ за нихъ такую сумму денегъ, какой и четверти доли онѣ не стоили. Почти уже извѣстно какъ у нихъ сошлось тамъ сіе дѣло. Но какъ я въ поступкѣ сей и въ самой затѣи не имѣлъ ни малѣйшаго участія и за доброту ихъ не могъ отвѣтствовать, то и мало я о томъ и заботился, а досадно было мнѣ только то, что могли иные подумать, что не принялись онѣ отъ моего нераченія.

На Вербное посѣтили меня тогдашніе винные откупщики г. Хомяковъ, А. Ф.,

и господъ Мансуровъ. Но какъ всѣ они были друзья и пріятели моему командиру, имѣвшему съ ними тайныя связи, то, противъ хотѣнія моего, принужденъ я, въ угодность ему и по точному его приказанію, дѣлать имъ возможнѣйшія удовольствования въ разсужденіи продажи вина, и съ досадою принужденъ былъ смотрѣть, что вмѣсто прежней строгости и отвращенія крестьянъ отъ пьянства, дана была симъ господамъ полная и совершенная воля хозяйствовать въ волостяхъ, какъ имъ хотѣлось, и дѣлать все, что имъ было угодно. И они такъ хорошо пользовались симъ дозволеніемъ, что истинно не доставало только того, что вина насильно не лияли мужикамъ въ горло. И богатые наши мужички наметали имъ столько денегъ, что доходовъ съ нихъ получали они болѣе, нежели сколько самой императрицѣ доходило съ ихъ оброка. И я съ истиннымъ негодованіемъ принужденъ былъ смотрѣть на сіе сквозь пальцы.

Не лучшее хозяйство производимо было командиромъ моимъ и съ нашими карпами. До сего по продажѣ оныхъ получали мы въ казну ежегодно значительныя суммы, а въ сіе время только и зналъ я, что получалъ ордеръ за ордеромъ, письмо за письмомъ, чтобъ отпустить тому и тому и со полшеста-сотъ за ничего незначущую цѣну или вовсе безъ заплаты. А что того еще хуже, для многихъ покупать на казенныя деньги бочки, нанимать лошадей и отправлять ихъ съ солдатами за нѣсколько сотъ верстъ на казенномъ коштѣ безъ единого возврата. А все сіе долженъ былъ я производить съ крайнею досадою и негодованіемъ и чтобы не навлекать былъ по крайней мѣрѣ доволенъ тѣмъ, что на всѣ такія законныя и незаконныя издержки получалъ ордера и повелѣнія, слѣдовательно и въ семъ не подвергался отчота (sic). Со всѣмъ тѣмъ случалось иногда, что при непонятныхъ и сумнительныхъ требованіяхъ я нѣсколько упирался и чрезъ то подавалъ поводъ командиру моему жаловаться инымъ на меня,

что я упорствую иногда и не все то исполняю, что ему хочется. Друзья его не преминули меня о томъ извѣстить. Но я, уважая болѣе повелѣнія намѣстника и предохраняя самъ себя отъ отвѣта, мало сіе уважалъ, а продолжалъ дѣлать то, что повелѣвалъ мнѣ долгъ и что дѣлать было должно.

Наконецъ настала у насъ Страшная недѣля, въ которую мы, по обыкновенію, говѣли. И препроводилъ всю оную въ богомоліи и въ трудахъ надворныхъ. И какъ было сіе время года самое уже неспособнѣйшее для весенней садки деревъ, то всѣ остающіяся отъ богомолія минуты употреблялъ я на распорядженія сей садки въ саду какъ плодовыхъ деревъ и кустарниковъ, такъ и привозимыхъ изъ дѣса, и насадилъ опять пре- великое множество оныхъ въ мѣстахъ разныхъ. А между тѣмъ въ великій четвергъ мы исповѣдывались и, по обыкновенію, пріобщались Святыхъ Тайнъ.

Святая недѣля началась у насъ въ сей годъ съ 20-го апрѣля, и мы провели ее довольно весело, и тѣмъ паче, что случились въ теченіе оной и другіе праздники, какъ-то: въ поведѣльникъ былъ день торжественный, а въ четвергъ была старшая моя дочь Елисавета, которой исполнилось тогда 18-ть лѣтъ и пошелъ 19-й. именинница. Итакъ, по поводу оныхъ оныхъ были у меня пиры для всѣхъ нашихъ городскихъ, и разныя увеселенія. Нашего прежняго городничая хотя тогда уже у насъ не было, и онъ жилъ со всѣмъ своимъ семействомъ въ Тулѣ и мы лишились въ немъ добраго сотоварища, но и съ новымъ мы успѣли уже около сего времени ознакомиться, и начинали уже переѣзжаться другъ съ другомъ. Но всѣмъ они, то-есть мужъ и жена, далеко были не таковы какъ прежніе, и все обращеніе ихъ не такъ было просто-душно и откровенно, какъ г. Сухотина; однако мало-по-малу посмыклись и довольно сдружились мы и съ ними.

Привезеніе изъ Тулы яблонокъ воспрепятствовало намъ препроводить и достальныя дни сей недѣли въ такихъ же